

DOI 10.15826/umpa.2020.03.029

ИЗУЧЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ОРГАНОВ СТУДЕНЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Д. Б. Ефимов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, 11; defimov@hse.ru*

Аннотация. В данной концептуальной статье проводится критический и рефлексивный анализ современных исследований структур представительства студентов в образовательном управлении, позволяющих обучающимся оказывать институциональное влияние на принятие решений университетами или органами государственного управления. Автором освещаются традиции осмысления студенческого представительства в контексте студенческой политики (соотношение со студенческим активизмом, политическая социализация, выборы); варианты осмысления студенческого представительства как части системы высшего образования (типы и формы взаимодействия вузов и правительств со студенчеством, а также влияющие на это факторы); и, наконец, сгруппированные по географическому признаку традиции исследований практик работы органов студенческого представительства (англосаксонские страны, развивающиеся страны Южного полушария, континентальная Европа). Далее проводится критический анализ состояния посвященных студенческому представительству исследований – его достоинств (разработанный концептуальный аппарат) и недостатков (ограниченная географически традиция качественных работ), оценивается взаимодействие этих исследований с политической наукой в контексте изучения выборов и существующие лакуны (недостаточный эмпирический, позитивистский фокус; неравномерная географическая распространенность; отсутствие исследовательского фокуса на «фронтире» понятий студенческого представительства и студенческого активизма). На основе результатов анализа намечены потенциальные будущие направления развития этих исследований: диверсификация методологической базы (с развитием использования эмпирических количественных методов) и географического охвата (в том числе с покрытием постсоветского пространства и ключевых стран Восточной Азии), доработка теоретического аппарата и более подробное рассмотрение взаимной трансформации практик студенческого представительства и студенческого активизма.

Оригинальность и научная значимость статьи состоят в том, что, несмотря на плавный рост популярности студенческого представительства как исследовательской темы в последние два десятилетия в мировой науке, в России эта тема пока еще практически не освоена, а предложенные в статье концептуальные и методологические новации должны подстегнуть новый виток ее содержательного развития.

Ключевые слова: студенческое представительство, студенческая политика, студенческое самоуправление, студенческие правительства, студенческие советы, студенческие парламенты

Для цитирования: Ефимов Д. Б. Изучение университетских органов студенческого представительства: состояние, проблемы, перспективы // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 3. С. 105–121. DOI: 10.15826/umpa.2020.03.029.

RESEARCH OF STUDENT REPRESENTATION BODIES IN UNIVERSITIES: CURRENT STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS

D. B. Efimov

National Research University Higher School of Economics

11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation; defimov@hse.ru

Abstract. This article aims to present a critical and reflective analysis of modern practices of the student representation bodies that have institutional influence on decision-making of universities or the government. The article first describes different traditions of understanding student representation in the context of student politics and its links with student activism, political socialization, elections. Then we consider different approaches to understanding of student representation as a part of a higher education system (types and forms of interaction between students, on the one hand, and universities and governments, on the other hand). Finally, traditions of researching the practices of student representative bodies in different groups of countries (Anglo-Saxon countries, developing countries of Global South, and continental Europe) are discussed. The following section contains a critical analysis of the current research of student representation, its advantages (developed conceptual framework and limited geographic traditions of qualitative research as well as connection with political science in the electoral context) and disadvantages (insufficient empirical, positivistic focus; uneven geographical prevalence; lack of research focus on the «frontier» of the concepts of student representation and student activism). Then potential future areas of research are outlined, including the diversification of methodology (empirical quantitative methods) and geographical coverage (the post-Soviet space and key countries of East Asia) as well as refinements of the theoretical apparatus and a more detailed consideration of the connection between the practices of student representation and student activism. The originality and value of the article lies in the fact that despite the gradual increase in the popularity of student representation as a research topic in the last two decades, this topic remains largely underexplored in Russia, and the novel conceptual and methodological approaches proposed in this article should spur further studies.

Key words: student representation, student politics, student self-governance, student governments, student councils, student parliaments

For citation: Efimov D.B. Research of Student Representation Bodies in Universities: Current State, Problems and Prospects. *University Management: Practice and Analysis*. 2020; 24 (3): 105–121. DOI: 10.15826/umpa.2020.03.029. (In Russ.).

Введение

Университет как образовательная организация на протяжении всей своей берущей начало в Средних веках истории неразрывно связан с обучающимися в нем студентами. И университеты XXI века с их массовыми студенческими движениями, реагирующими на разнообразные изменения образовательной политики на национальном или вузовском уровне [1], исключением не являются. Тем удивительнее, что в дискуссиях, касающихся структуры и практик управления университетами, студенчеству до сих пор уделяется сравнительно малое внимание, даже несмотря на развитие идей «распределенного управления» (*shared governance*) [2]. Полноценное включение студентов в эти дискуссии может оказаться весьма полезным. Иными словами, в процессе поиска оптимальных моделей университетского управления получение новой точки опоры в виде более глубокого рассмотрения роли студенческого представительства может помочь преодолеть неустойчивость существующих

конструкций (опирающихся, как правило, исключительно на преподавателей и администраторов). В данной статье проводится подробный обзор сложившихся традиций понимания и исследования студенческого представительства в вопросах университетского и над-университетского управления, а также обсуждаются и намечаются пути развития этих традиций.

Как и многие другие общественные феномены, студенческое представительство вызывает волнообразный интерес исследователей. Во многом это связано с внешними по отношению к университетам событиями и с актуальной социально-политической и социально-экономической повесткой. Так, например, после периода высокой гражданской активности 1960-х наблюдался рост интереса к этой форме организации самостоятельной общественной деятельности студентов, а несколько позднее, напротив, произошел спад внимания к ней. В одно время популярность приобретали эмпирические исследования, в другое – теоретические [3]. Так или иначе, к концу 2010-х годов в сфере изучения студенческого

представительства уже сложился неплохо разработанный концептуальный аппарат и сформировались отдельные (достаточно глубокие) традиции эмпирических исследований [4]. Вместе с тем сегодня ощущается острая нехватка релевантных эмпирических исследований широкого круга национальных контекстов (в том числе и контекста российского) и университетских традиций, связанных со студенческим представительством, с его деятельностью и восприятием со стороны вузовских сообществ.

В данной статье четыре раздела. Логика их выстраивания подчинена планомерному освещению исследовательских подходов к студенческому представительству, сгруппированных в соответствии с содержательным фокусом рассмотрения и нашим взглядом на него. В первом разделе речь идет об исследованиях студенческого представительства как части так называемой студенческой политики – совокупности форм и практик активного вовлечения студенчества в политические и социально-экономические процессы. Во втором разделе дан обзор исследовательских традиций, касающихся студенческого представительства как части системы высшего образования – национальной или мировой, осмысления студенческого представительства именно как образовательного феномена, в том числе в связи с трансформациями высшего образования самого по себе. Третий раздел посвящен университетским и национальным органам студенческого представительства в компаративном контексте – в данном разделе приводятся перечень и характеристики эмпирических традиций изучения органов студенческого представительства, сгруппированных чаще всего по географическому признаку. В четвертом разделе критически анализируются рассмотренные подходы, обсуждается актуальное состояние исследований студенческого представительства и предлагаются ключевые направления будущих исследований.

Студенческое представительство как часть студенческой политики

Студенческая политика как широкий, зонтичный термин, объединяющий все институты и практики вовлечения или подготовки к вовлечению студентов в действия, влияющие на те или иные социально-политические процессы, неизбежно включает разные, порой диаметрально различающиеся, элементы. Не в последнюю очередь сравнительно невысокий уровень внимания к теме студенческого представительства может быть

объяснен подспудно возникающим затруднением в разграничении студенческого представительства и другой важной составляющей студенческой политики – студенческого активизма. В чем же состоит их различие?

Студенческое представительство подразумевает организованное и институционализированное участие студентов в процессах самоуправления и соуправления университетами, национальными и международными системами высшего образования, иными общественными институтами с целью реализовать повестку деятельности, важную для студенчества как сообщества самого по себе и как части более крупных сообществ.

Студенческий активизм, стремясь к той же цели, применяет принципиально иной арсенал средств: в противовес участию в институционализированных процессах он предполагает разработку и проведение посвященных конкретным тематическим вопросам общественных кампаний, не связанных с существующими институтами, призванными вовлекать студентов в регуляризированные процессы принятия решений [5]. Студенческий активизм как явление привлекает большее внимание как общественности, так и исследователей. Он более заметен, так же, как в рамках политического анализа и политической науки на обыденном уровне куда популярнее яркие кампании, чем анализ текущей институциональной работы, а в рамках исторической науки на том же обыденном уровне куда популярнее история войн и правителей, чем история повседневной жизни людей. И как школа «Анналов» в свое время стала новым словом в исторической науке [6], так и изучение студенческого представительства, а не только студенческих движений и кампаний, становится важной частью изучения студенчества, исследований молодежи, политической социологии и политической экономики высшего образования [4].

Студенческое представительство включает в себя достаточно большой спектр институтов – студенческие советы, студенческие парламенты, студенческие правительства, студенческие союзы и много других вариантов, зачастую обусловленных национальными или университетскими особенностями, в том числе своеобразными «колеями зависимости». Сюда же примыкают и различные университетские институты «распределенного управления», участие в которых студентов также является примером студенческого представительства [3–5]. Подробнее эти формы будут рассмотрены в следующем разделе, а пока важно отметить, что в контексте студенческой политики

участие студентов в работе всех этих институтов важно не только с точки зрения процесса и непосредственного результата, но и с точки зрения долгосрочных эффектов и последствий.

Именно такая постановка вопроса в исследовании институтов студенческого представительства является одной из самых популярных. Органы студенческого представительства в ее рамках значимы не столько сами по себе, не столько своей текущей деятельностью, сколько ролью в развитии личности студента, в его политической социализации, в подготовке к дальнейшему активному участию в жизни общества, в каком-то смысле – в воспитании гражданственности в качестве «питомника гражданской добродетели» [7].

Надо отметить, что в рамках традиции изучения студенческого представительства с точки зрения долгосрочных эффектов и последствий используются два ключевых подхода.

Первый подход (его можно назвать демократическим консеквенциализмом) наиболее разработан теоретически, а также широко распространен в эмпирических исследованиях на материале западных, особенно англосаксонских, стран и подразумевает рассмотрение эффекта участия в студенческом представительстве, участия, стимулирующего формирование и развитие демократических ценностей. Этот подход включает изучение двух феноменов: участие в студенческом представительстве в пассивной роли избирателя / наблюдателя и участие в студенческом представительстве в активной роли одного из его лидеров. Первый феномен связан с формированием будущего гражданина и ценностей его участия в социальной и политической жизни (голосование на выборах и иные конвенциональные формы политической активности). Многочисленные исследования, основанные на опросных данных, в целом подтверждают теоретически выдвигаемые представителями данного подхода гипотезы. Да, стабильное участие обучающихся в выборах университетских органов студенческого представительства оказывается устойчиво связано с уровнем осознанности политического поведения и политической культуры в дальнейшем, во «взрослой» жизни [8–10]. Второй феномен связан с формированием у обучающихся лидерских качеств в структурах университетского студенческого представительства и потенциального проявления этих качеств в дальнейшем у этих же людей, но уже в роли лидеров иного масштаба – социальных и политических движений и институтов. Здесь эмпирически уловить эффект по причинам достаточно большой его длительности

во времени довольно сложно, но и это в целом получается у некоторых исследователей. Общий результат их работ позволяет говорить о подтверждении данных гипотез на материале западных стран [11–14]. Дополнительным свидетельством может являться тот факт, что бэкграунд многих политических лидеров довольно часто включает в себя опыт лидерства в органе студенческого или ученического представительства в университете или старшей школе.

Второй подход (его можно было бы назвать в узком и контекстуальном смысле политическим реализмом) в плане теории разработан несколько хуже. Он базируется в основном на эмпирических исследованиях, – но в них нет недостатка. Представители данного подхода акцентируют свое внимание на критическом рассмотрении тех эффектов, что дает обучающимся участие в студенческом представительстве, с учетом окружения, в границах которого осуществляется это участие, существующих связей и зависимостей. Несколько упрощенная аналогия такова: как институциональная экономика в качестве учебной и научной дисциплины поднимается над микроэкономикой за счет рассмотрения трансакционных издержек и контекста взаимодействия акторов [15], так и политический реализм в границах изучения студенческого представительства включает в сферу своего рассмотрения связи органов и систем студенческого представительства с политическими партиями, общественными организациями и государством, особенности политического участия в обществе, его ценности, фрагментацию и другие характеристики. В отличие от традиции демократического консеквенциализма традиция политического реализма гораздо более популярна вне западного мира – в азиатских и африканских странах институты студенческого представительства довольно часто оказываются сращенными с политическими партиями [16–19] и, в определенных случаях, – с религиозными объединениями [20, 21]. Некоторые исследования даже фиксируют падение в опросных данных уровня приверженности демократическим ценностям вслед за участием в органах студенческого представительства – в тех случаях, когда эти органы очень тесно связаны с религиозными и националистическими организациями [20, 21]. В контексте изучения взаимовлияния студенческого представительства и институциональных форм организации молодежи, заложенных в университетах еще в советское время и зависевших от господствовавшей политической партии, в этой традиции работали и российские исследователи [22].

Надо отметить, что рассмотрение политических партий и их связи со студенческим представительством также характерно и для некоторых исследований континентально-европейских систем студенческого представительства (к примеру, немецкой) [23]. В целом исследования, выполненные в традиции политического реализма, не отвергают роли студенческого представительства в политической социализации студентов, но предусматривают более комплексный взгляд на то, какими могут быть эффекты этой социализации – включающими в том числе установление связи с политическими партиями, развитие не только демократической, но и авторитарной политической культуры, а также значительной палитры смешанных политических культур, обусловленных спецификой национальных политических систем. Речь больше не идет о чистом развитии ценностей демократического участия и ответственного голосования на выборах, – политическая социализация понимается здесь куда более широко.

Оба подхода к рассмотрению роли органов студенческого представительства в политической социализации, впрочем, базируются на фундаментальной важности выборов в них (либо иных процессов их формирования). Как в рамках демократического консеквенциализма, так и в рамках политического реализма именно выборы – в контексте наработки опыта участия в них с разных сторон и в разных ролях – являются одним из ключевых элементов студенческого представительства и его важности для дальнейшей политической социализации студентов (что, конечно, не умаляет важности и других элементов, к примеру делиберативной дискуссии, опыта в принятии решений и т. д. – в особенности в рамках демократического консеквенциализма).

Итак, еще раз отметим: общим и самым первым элементом двух этих концепций являются именно выборы. Поэтому вполне закономерно, что изучению самого феномена выборов в органы студенческого представительства тоже посвящена отдельная исследовательская традиция. В целом она опирается, конечно, на опыт электоральных исследований в рамках политической науки – в ней накоплен немалый багаж гипотез о том, какие факторы влияют на участие избирателей в выборах и на их голосование за тех или иных кандидатов. Эти гипотезы суммируются в три основных направления – социологическое [24] (предусматривающее связь голосования прежде всего с характеристиками социального статуса индивида и принадлежности его к социальным группам), социально-психологическое [25] (связывающее

голосование в основном с близостью общих взглядов и ценностей избирателя и кандидата) и рационально-инструментальное [26] (обосновывающее зависимость голосования от оценки работы кандидата и ожиданий от ее проведения, в том числе – в контексте совпадения или расхождения позиций по конкретным вопросам). Разумеется, это деление во многом условно, и значительная часть электоральных исследований опирается на гипотезы из разных направлений, но в рамках приложения этих теорий к задачам анализа выборов в органы студенческого представительства крайне весомыми оказываются гипотезы социологической теории. А именно – групповая принадлежность кандидатов и избирателей, общность по тем или иным признакам, касающимся социального и формального статуса (вплоть до однокурсников и одноклассников, а то и просто друзей), а не общность взглядов, позиций и ценностей [27–29]. С другой стороны, в объяснении участия самого по себе (то есть явки на выборы) обнаруживают свою применимость многие модели из господствующего в этой части политической науки рационально-инструментального мейнстрима. Так, явка на студенческие выборы, аналогично явке на выборы политические, часто оказывается связана с балансом выгод и издержек, получаемых избирателем от участия в голосовании (удобство интерфейса голосования, необходимость затрачивать дополнительные усилия для него, «цена индивидуального голоса» и другое) [30–33]. В сфере студенческих выборов также особое внимание уделяется влиянию социальных сетей и интернет-СМИ – тренд, который, впрочем, стал характерен в последние годы и для изучения выборов в целом [34–36].

Все эти направления исследований помогают понять функционирование выборов в органы студенческого представительства как института: от чего зависит и к каким эффектам может приводить работа этого института и как он в конечном счете формирует соответствующее пространство студенческой политики.

Студенческое представительство как часть системы высшего образования

Студенческое представительство может рассматриваться и с других точек зрения. В частности, в контексте его роли в рамках системы высшего образования, с позиций взаимодействия как с университетами, так и с органами государственного управления. И ключевые разграничения здесь связаны с фундаментальным подходом

к пониманию роли студентов и представляющих их мнение органов в университете в целом.

Существуют три основных широких подхода к этому пониманию, и каждый из них включает ряд разновидностей.

Первый из этих подходов – консьюмеризм. Он в целом предусматривает понимание студента и его отношений с университетом в экономической логике, но и вариантов этой логики, и разновидностей консьюмеризма довольно много. В качестве основных вариантов можно выделить следующие: студент как покупатель образовательных услуг; студент как менеджер с задачей оптимизации полезности затрачиваемых на его обучение средств; студент как производимый университетом товар. Нетрудно заметить, что любой из указанных вариантов предусматривает лишь очень ограниченную возможность студенческого представительства, выраженного, скорее, в некой форме, сходной с обществами защиты прав потребителей (в первом варианте) или отдельными версиями профессиональных союзов со значительным ограничением возможных сфер деятельности работников (во втором варианте). Третий вариант – понимание студента как товара, который выпускает университет, – по сути, полностью закрывает возможность студенческого представительства по причине отрицания студенческой субъектности в принципе, восприятия студента лишь как объекта деятельности университета [37–40].

Второй подход, который многими противопоставляется консьюмеризму, принято называть коммунитаризмом. Его логика состоит в понимании студентов как равных и полноправных членов университетского сообщества. Конечно, в большинстве случаев в контексте этого подхода речь идет не о равенстве индивида-студента индивиду-профессору, а, скорее, о равной важности мнений студентов, преподавателей, научных работников, представителей администрации и др., каждое из которых должно учитываться университетом при выработке управленческих решений. Стоит отметить, что именно в рамках этого подхода возможности студенческого представительства оказываются наиболее широкими, поскольку студенты рассматриваются как полноправные члены университетского сообщества [38, 41, 42].

И консьюмеризм, и коммунитаризм представляют собой крайности. Между ними располагается третий ключевой подход к пониманию роли студента в университете и его возможности на что-то в нем влиять. Это – демократический реализм, или партнерство (во избежание потенциальных неудобств в связи с тем,

что в предыдущем разделе статьи нами был введен термин «политический реализм», в дальнейшем мы будем использовать только термин «партнерство»). Попутно отметим, что в рамках изучения вовлечения студентов в учебный процесс выделяются несколько схожих с партнерством типов (например, трансформативный тип). Эти типы в данной статье не рассматриваются, поскольку они не связаны с представительством.

С коммунитаризмом партнерство схоже в том, что признает студентов частью университетского сообщества, а с консьюмеризмом – в том, что не дает студентам равноправия и предусматривает их заведомо подчиненное положение в университетском сообществе. Студенчество в рамках этого подхода не объявляется равным преподавателям или научным сотрудникам, но признается частью, «младшим партнером» (откуда и происходит термин «партнерство») сообщества в целом, с обоснованными правами и интересами. Студенческое представительство при таком подходе сильно зависит от конкретной конфигурации сил как в студенческом сообществе, так и в преподавательском и в административном сообществах (отношения «младших» и «старших» партнеров), но в целом его рамки могут предусматривать многое [38, 39, 42, 43].

Вооружившись этой классификацией подходов, касающейся, строго говоря, не только студенческого представительства, но и понимания роли студентов в университетах в целом, можно перейти и к обзору подходов, призванных очертить варианты и проблемы университетского и над-университетского взаимодействия именно со студенческим представительством, его восприятия со стороны системы высшего образования.

Говоря об университетском уровне, прежде всего следует отметить выделяемую М. Клеменчич и объясняющую динамику развития органов студенческого представительства дилемму логики влияния и логики членства. Она заключается в том, что студенческое представительство всегда вынуждено находить точки баланса между ростом взаимодействия с университетской администрацией (логика влияния) и ростом взаимодействия с рядовыми студентами (логика членства) [5, 44]. Потеря баланса и доминирование одной из этих логик в долгосрочной перспективе приводят к метаморфозе студенческого представительства. При доминировании логики влияния студенческое представительство превращается в подразделение университета (то есть в выполняющий функции внешнего управления и не связанный со студенческим сообществом реальными

отношениями подотчетности орган), а при доминировании логики членства – в студенческий активизм (то есть в потерявший функции институционального влияния на повестку сообщества и живущий только внеинституциональными тематическими кампаниями орган).

Что же касается вариантов взаимодействия университета со студенческим представительством, то выделяют обычно три (хотя есть и классификации с большим числом): авторитарно-патерналистский, демократически-коллегиальный и менеджериально-корпоративный [44]. Первый вариант предусматривает взаимодействие со студенческим представительством с более высокой позиции и априорное представление студентов в роли подопечных без значимой возможности заявить какой-либо свой голос, кроме (в отдельных ситуациях) голоса совещательного. Второй вариант, напротив, ориентирован на коллегиальное взаимодействие и включение студенческого представительства в процессы обсуждения и принятия решений на основе принципов прозрачности и демократичности. Третий же вариант построен на логике не политической (авторитарной или демократической), а экономической (или менеджериальной): если для эффективного управления университетом включение студенческого представительства в определенные процессы оказывается полезным, то это делается; в тех же случаях, когда управленческая эффективность такого решения неочевидна, оно имплементировано не будет. Как можно видеть, соотношение этих подходов с обозначенными выше логиками восприятия студента в университете не всегда однозначно – если демократически-коллегиальному подходу к студенческому представительству в целом соответствует, скорее, логика коммунизма, то в остальных случаях возможны разные варианты сочетаний. Инструментально студенческое представительство в университетских решениях может быть выражено, в российских образовательных учреждениях, в виде участия в деятельности ученых советов, ректоров, дисциплинарных комиссий, комиссий по урегулированию споров, комиссий по переводу студентов с платного обучения на бесплатное; в академических совещаниях по организации учебного процесса; в различных органах управления факультетов, подразделений, образовательных программ и т. д. Само по себе наличие формального членства студентов в этих органах, конечно же, ничего не гарантирует: все зависит от того, насколько это участие реализуется и насколько оно эффективно. В целом можно считать, что эффективное участие в общих

органах университетского сообщества вроде учебного совета или академических советов подразделений свидетельствует о присутствии демократически-коллегиального подхода, в то время как эффективное участие в специализированных органах вроде разнообразных профильных комиссий и комитетов свидетельствует о присутствии менеджериально-корпоративного подхода.

Переходя от университетского уровня к национальному, в рамках общей государственной образовательной политики можно выделить несколько подходов к работе со студенческим представительством: плюралистский, корпоративистский, неокорпоративистский, а также государственный [45–47].

Плюралистский подход подразумевает институционализированное и признаваемое государством существование многих, в том числе конкурирующих между собой, органов студенческого представительства, каждый из которых получает признание и тот или иной доступ к ресурсам, связанным с официальным статусом.

Корпоративистский и неокорпоративистский подходы, напротив, целенаправленно отдают пальму первенства, признанный статус и привилегии только одному органу представительства или очень небольшому их количеству. Различие между этими подходами заключается в степени вмешательства государства: в корпоративистской модели оно активно воздействует на систему студенческого представительства в своих интересах, а в неокорпоративистской лишь признает первенство за определенным органом, предоставляет ему статус и ресурсы и не вмешивается в его работу.

Что же касается государственнического подхода, то он не предусматривает никаких (по крайней мере, признаваемых государством) институтов студенческого представительства на национальном уровне – вся образовательная и социальная политика в отношении студенчества определяется только исходя из приоритетов государственной политики, без учета собственного мнения студентов.

Необходимо отметить, что механизмы всех этих подходов могут работать как в формальном, так и в неформальном режиме (в контексте признания органов студенческого представительства со стороны государства, предоставления им доступа к тем или иным ресурсам, в том числе возможности принимать участие в формировании образовательной политики). Это тоже обуславливает определенные особенности каждой формирующейся в рамках этих классификаций национальной модели.

Кроме общих концептуальных рамок, которые предоставляет рассмотрение студенческого представительства в контексте функционирования системы высшего образования, необходимо также обозначить и актуальные факторы трансформации этой системы, напрямую влияющие на него. В частности, речь идет о том, что современные тренды массовизации и маркетинга высшего образования, распространения нового менеджериального подхода в его управлении в полной мере коснулись и систем студенческого представительства, а также подходов университетских администраций и национальных правительств к работе с ним. Органам студенческого представительства становится все сложнее искать баланс в рамках дилеммы логики влияния и логики членства, многие из них все чаще отдают предпочтение логике влияния, что выражается в тенденции к «профессионализации» составов студенческих представительств и их отрыву от «низового» общения со студентами. А распространенность демократических и коммунитаристских моделей взаимодействия университетских администраций со студентами и студенческим представительством постепенно снижается – данные модели все чаще уступают свое место различным разновидностям менеджериально-корпоративных, консьюмеристских и партнерских подходов [3, 4, 48, 49].

Изучение университетских и национальных органов студенческого представительства в сравнительной перспективе

В двух предыдущих разделах были сформулированы и охарактеризованы основные подходы и традиции исследований в рамках изучения феномена студенческих органов представительства. Для того чтобы получить полную картину, остается рассмотреть ключевые традиции эмпирических исследований непосредственного функционирования этих органов. Если выделять эти традиции на национальном уровне, то классификация будет слишком детальной, поэтому для удобства рассмотрим их на примере трех основных групп, выделение которых обусловлено некоторой общностью проблем и задач соответствующих исследований. В качестве первой группы выступают англосаксонские страны, в качестве второй – развивающиеся страны глобального Юга, в качестве третьей – страны континентальной Европы.

Отличительной чертой исследований студенческого представительства в англосаксонских

странах (США, Великобритания, Австралия и др.) является практически полностью преобладающий университетский фокус – национальные системы в целом там почти не изучаются, зато исследований по данным конкретным образовательным организациям и их небольшим группам довольно много. Без особого преувеличения можно сказать, что эта исследовательская традиция – самая богатая. Она включает и изучение эффектов студенческого представительства в политической социализации (в рамках демократического консенсуализма) [8, 10, 11], и подробное изучение выборов в органы студенческого представительства [10, 28, 30, 31, 34], и очень подробные дискуссии о «наступлении» консьюмеристского дискурса в высшем образовании и о связанных с этим трансформациях органов студенческого представительства [39–41, 45, 48, 49]. А также – множество исследований внутреннего функционирования этих органов – в основном с использованием качественных данных (интервью и фокус-группы с участниками органов студенческого представительства) [48–51], но в отдельных случаях – и количественных (опросы, количественный анализ тематического содержания протоколов) [10, 52]. Конечно, такое разнообразие исследований не означает отсутствия направлений для развития – как уже было отмечено ранее, в этих странах используется лишь ограниченная часть предназначенных для данного исследовательского поля концептов и теорий (например, вне зоны внимания остается политический реализм), но даже в таких условиях англосаксонская традиция изучения студенческого представительства остается самой разработанной.

У развивающихся стран глобального Юга (Индия, Ближний Восток, Восточная Азия и др.) специфика и фокусы соответствующих исследований несколько иные. Очень большое внимание, как мы уже говорили, уделяется механизмам связи с политическими [16–19] и религиозными [20, 21] акторами страны и трансформирующимся из-за этих механизмов характеристикам политической социализации студентов в рамках деятельности институтов студенческого представительства. Как и в англосаксонских странах, в странах глобального Юга чаще преобладает университетский фокус рассмотрения, но при этом значительная часть исследований посвящена обобщениям и выводам, выходящим на национальный уровень. Характерным примером является Индия со множеством исследований, посвященных имплементации решений специальной правительственной комиссии 2006 года, призванной разрешить проблему связи выборов

в студенческие органы представительства с ячейками политических партий [16, 17].

Кроме того, именно университетам этих стран посвящено много исследований, связанных и с выборами в органы студенческого представительства (в основном количественных) [27, 29, 33, 35, 36, 53, 54], и с изучением внутренней структуры их работы (в основном качественных) [46, 55, 56], методологически, в целом, соответствующих аналогичным по тематике работам по англосаксонским университетам. Несмотря на очевидные пробелы (к примеру, в рамках использования теоретико-концептуального аппарата при изучении способов взаимодействия университета со студенчеством), традиция анализа студенческого представительства во многих развивающихся странах представляется, таким образом, тоже достаточно развитой.

Что же касается стран континентальной Европы (Германия, Польша, Франция и др.), то традиции исследования студенческого представительства в них довольно сильно отличаются от традиций, освещенных выше. В первую очередь, здесь преобладает национальный или наднациональный уровень анализа [32, 41, 45, 57–62]: чаще исследуется система студенческого представительства в стране или Европейском Союзе целиком, а конкретные университеты приводятся в качестве примеров и рассматриваются в описательных статистиках. Встречаются и исследования, позволяющие перевести обобщение результатов со странового формата на формат мировой [58, 61, 63]. Вторая важная особенность связана с рассмотрением эффекта политической социализации. Причем, что интересно, как в рамках демократического консеквенциализма (пожалуй, именно немецкий пример студенческого парламента в послевоенном Западном Берлине стал одним из самых интересных в контексте развития и закрепления демократических ценностей будущих граждан [12]), так и в рамках политического реализма [23] (в Германии и других странах у студенческих парламентов, в том числе на уровне отдельных университетов, есть связи с действующими в стране политическими партиями). В целом же континентально-европейская традиция изучения студенческого представительства, как это ни парадоксально, представляется несколько менее развитой, чем прочие (по крайней мере, в сравнении с англосаксонскими странами и странами глобального Юга). С другой стороны, иные регионы мира, в том числе постсоветские страны, не имеют сейчас и такой исследовательской традиции.

Россия на этой мировой карте стоит особняком. Системы студенческого представительства в разбираемом в данной статье институциональном понимании в нашей стране и в ее университетах касается считаное число исследований (в частности, [22, 64]). В работе [22] даже предпринята попытка обосновать состояние системы студенческого представительства в России с опорой на эффекты колеи зависимости от построенной еще в советский период истории системы профсоюзных комитетов. В частности, с этим, по мнению авторов данной работы, связано слабое развитие спектра полномочий и функций российских органов студенческого представительства и преобладание в его рамках функций, связанных с перераспределением материальных благ (стипендий, путевок на отдых и т.п.), а не с академическими правами студентов. Но раскрытие этой темы не было продолжено (после написания и выхода работы [22] в России осуществлялись серьезные трансформации в высшем образовании и в студенческом представительстве в том числе; в первую очередь, под влиянием нового регулирующего федерального закона, гарантировавшего полномочия в сфере локальных нормативных актов и дисциплинарных взысканий), и данные с выводами предшествующих исследований остались сфокусированными на анализе географически обособленных университетских зон, не касаясь систем представительства на более широких университетских выборках либо на уровне страны в целом. Вместо этого в российской науке достаточно широко представлены исследования, касающиеся не *студенческого представительства* как социального института и одного из акторов в процессах университетского управления, а *студенческого самоуправления* как одной из форм организации педагогической и воспитательной работы вуза со студентами. Фокус этих исследований как бы переворачивается по отношению к предмету настоящей статьи и разбирающимся в ней примерам: многие отечественные исследователи изучают, как и в рамках каких механизмов университет может с педагогической точки зрения организовать студентов и повлиять на них, а не то, как сами студенты в рамках своей институционально организованной активности могут повлиять на университет (например, [65–68]). Небольшое число исследований также посвящено эффектам политической социализации, но только в контексте демократического консеквенциализма и на уровне теоретического анализа (например, [69]).

Исследования студенческого представительства: обсуждение направлений развития и достигнутых успехов

Состояние исследовательского поля, связанного со студенческим представительством, производит двойственное впечатление. С одной стороны, есть очевидные успехи, и за последние пару десятилетий наука шагнула далеко вперед, а с другой – до сих пор остаются зияющие лакуны, которые только предстоит заполнить.

Безусловным успехом в изучении студенческого представительства последних десятилетий стал детально проработанный концептуально-теоретический аппарат, связанный с именами Ф. Альтбаха [1], М. Клеменчич [3–5, 43–45], Т. Люшера [18, 38], Р. Брукс [39, 41, 48, 51] и других исследователей. Соотношения понятий «студенческая политика», «студенческое представительство» и «студенческий активизм»; политэкономические дилеммы, встающие перед органами студенческого представительства; рамки, в которых может осмысливаться взаимодействие с ними университетских администраций и национальных правительств, – без всего этого был бы невозможен и бум эмпирических исследований студенческого представительства, который наблюдался в последние 1–2 десятилетия в части государств мира (в особенности в англосаксонских и развивающихся странах).

Важным успехом можно считать и хорошо разработанную традицию качественных исследований практик функционирования органов студенческого представительства. В рамках интервью, фокус-групп и в некоторых онлайн-опросах с открытыми ответами исследователи во многих университетах и странах мира спрашивали студентов, выпускников, членов университетских администраций о том, как они воспринимают органы студенческого представительства, как работают с ними и в их составе. Результаты этих опросов легли в основу множества исследовательских статей и кандидатских диссертаций (см., например, [39–41, 46, 48–51]).

Наконец, нельзя не отметить успех «импорта» определенных гипотез и методов политической науки, связанных с анализом выборов, – их применение при изучении выборов в органы студенческого представительства позволило многое объяснить в закономерностях участия студентов в таких выборах и голосовании на них.

Вместе с успехами ясно видны и факторы, исходя из которых можно говорить о потенциальных

направлениях изучения студенческого представительства (по большому счету, этих факторов тоже три).

Самым существенным фактором является методологический фокус большинства эмпирических исследований студенческого представительства: практически все они ориентированы только на восприятие (в интервью или опросе) работы или выборов органов студенческого представительства, но не с самой их деятельностью или самими выборами как эмпирическими фактами. К сожалению, пока что существует достаточно мало позитивистских исследований, изучающих студенческое представительство на эмпирических и фактологических данных. Существующие исследования, по сути, мало говорят о том, как работают студенческие советы и правительства или как голосуют студенты на их выборах, – вместо этого они говорят о том, как люди воспринимают эту работу и это голосование и как артикулируют в дальнейшем свое восприятие. Развитие не только конструктивистско-интерпретативистской, но и фактологически-эмпирической линии исследований может дать очень большой прирост знаний о студенческом представительстве.

Второй фактор заключается в крайней неоднородности странового и – шире – географического охвата университетов и студентов, становящихся объектами исследовательского интереса. Как отмечалось в предыдущем разделе, три ключевые географически сгруппированные традиции изучения студенческого представительства относятся к некоторым англосаксонским странам, развивающимся странам Азии и Африки и странам континентальной Европы. Но, во-первых, даже внутри этих групп в фокусе внимания оказываются далеко не все страны (особенно страны развивающиеся). Во-вторых, вне этих групп остается довольно много стран. Особенно ярким белым пятном с почти отсутствующим списком опубликованных исследований на карте изучения систем и органов студенческого представительства выглядят Россия (исключением являются только несколько исследований, например [22, 64]) и все республики бывшего СССР в целом. Все это, к сожалению, способствует тому, что в рамках изучения студенческого представительства мы можем пропускать важные закономерности, которые будут видны именно на материале тех стран, в которых сейчас эти исследования не очень распространены. Сейчас, например, мы видим много интересных с точки зрения политической социализации эффектов политического реализма на материале развивающихся стран, но если бы этих

исследований не проводилось, мы так бы и оставались при рассмотрении долговременных эффектов воздействия студенческого представительства на общество лишь в рамках системы взглядов демократического консеквенциализма.

Третий фактор таков: аппарат, используемый для анализа студенческого представительства, практически не предусматривает опыта изучения его эмпирического соотношения со смежными феноменами: со студенческим активизмом и с представительством других частей университетского сообщества. Концептуально представительство и активизм противопоставляются как институциональное и неинституциональное участие с одинаковыми целями. Однако в практике работы, как известно из дилеммы логик членства и влияния, студенческое представительство, гиперболизируя, постоянно ищет баланс между превращением в студенческий активизм и превращением в университетское подразделение. И если рассмотрению феномена «профессионализации» и уменьшения «низового» общения студенческих правительств со студентами уже посвящен ряд исследований [3, 49], то возможностям обратной трансформации (которая в рамках динамики известной дилеммы тоже возможна и иногда – разумеется, реже, чем обратная, – случается) внимания практически не уделяется, причем как теоретически, так и эмпирически (очень слабо связанным с данной темой можно считать только то, что в некоторых исследованиях изучается, какие лозунги – зачастую упрочивающие именно функцию представительства, репрезентации интересов – выдвигаются студенческими союзами в ответ на «наступление» консьюмеристского дискурса в высшем образовании [39, 48]). Это ведет к тому, что потенциально очень важная и, по сути, прямо дополняющая одну из мейнстримных для изучения тем линия трансформации студенческого представительства оказывается вне исследовательского внимания. Аналогично обстоит дело и с соотношением студенческого представительства с представительством других частей университетского сообщества, в первую очередь – преподавателей: четкий концептуальный аппарат здесь пока отсутствует, разработана в основном лишь линия взаимодействия «студенты – администрация», но не «студенты – преподаватели».

Таким образом, перспективные направления для будущих исследований в сфере студенческого представительства, заполняющие те лакуны, которые на текущий момент существуют, выглядят следующим образом.

Во-первых, это изучение ситуации в России и странах бывшего СССР, а также в слабо покрытых на данный момент соответствующими исследованиями странах Восточной Азии, например Китая – без них мировой обзор этих подходов в рамках национальных и университетских образовательных систем является неполным.

Во-вторых, методологическая диверсификация и отказ от использования исключительно конструктивистского подхода, работа не только с представлениями, но и с реальными данными о функционировании органов студенческого представительства и выборов в них, в том числе с привлечением подходящего инструментария из иных социально-экономических наук и математической статистики.

В-третьих, разработка и изучение теоретической и эмпирической взаимосвязи студенческого представительства со смежными явлениями студенческого активизма (в том числе как одной из крайностей в рамках балансирования внутри дилеммы логик влияния и членства) и представительства преподавателей.

И, наконец, в-четвертых, весьма перспективным представляется углубленное изучение выборов в студенческие советы и правительства с прицелом на дальнейшее «возвращение долга» политической науке. Если какие-то гипотезы, сложно проверяемые на материале политических выборов, удастся проверить на материале выборов студенческих (для которых сбор данных в определенных ситуациях представляет меньше затруднений), это будет большой удачей и вкладом в проблематику электоральных исследований (по крайней мере, местного и регионального уровней).

Заключение

Традиции исследований студенческого представительства за последние два десятилетия заняли прочное положение на Олимпе исследований студенческой политики и высшего образования. Разработанный концептуальный аппарат и множество эмпирических исследовательских работ, выполненных на материале разных стран, позволяют говорить о том, что данная сфера исследований состоялась и подтвердила свой статус. Разумеется, будущее этой сферы нельзя назвать беспроблемным и безоблачным: существуют потенциальные проблемы в монополии господствующей сейчас в этих исследованиях эмпирической методологии, в отдельных элементах теоретического аппарата и, конечно, в крайне неравномерном географическом охвате тех университетов и стран, которые сейчас изучаются в рамках этого направления.

В данной статье не только приведен подробный обзор концептуально-теоретического аппарата применительно к студенческому представительству и существующим в этой сфере исследованиям, но и проанализированы текущие успехи и неудачи в его развитии, а также предложены и намечены направления совершенствования на будущее, призванные решить существующие проблемы. Стоит отметить также важное обстоятельство, которое в ближайшие годы должно значимо повлиять как на высшее образование, так и на многие его исследования, – эпидемия COVID-19 привела к необходимости очень быстрого, аврального и тотального перевода образовательных и административных процессов в университетах в онлайн-формат. Органы студенческого представительства тоже должны были очень быстро адаптироваться к этим новым условиям, и разные сюжеты в рамках изучения того, как прошла их адаптация (в том числе с рассмотрением шока от этого перехода как своего рода естественного эксперимента), могут стать весьма интересным дополнением к спектру исследований, посвященных студенческому представительству.

Список литературы

1. *Altbach P. G.* Student politics: Activism and culture // *International handbook of higher education*. Dordrecht: Springer, 2007. P. 329–345. DOI: 10.1007/978-1-4020-4012-2_17.
2. *Boland J. A.* Student participation in shared governance: a means of advancing democratic values? // *Tertiary Education and Management*. 2005. Vol. 11, no 3. P. 199–217. DOI: 10.1007/s11233-005-5099-3.
3. *Klemenčič M.* Student Politics // *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions* / P. Teixeira, J. Shin (eds.). Dordrecht: Springer, 2020. DOI: 10.1007/978-94-017-9553-1_618-2.
4. *Klemenčič M.* Student Governments // *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions* / P. Teixeira, J. Shin (eds.). Dordrecht: Springer, 2020. P. 1–6. DOI: 10.1007/978-94-017-9553-1_614-1.
5. *Klemenčič M., Park B. Y.* Student politics: Between representation and activism // *Handbook on the Politics of Higher Education*. Edward Elgar Publishing, 2018. P. 468–486. DOI: 10.4337/9781786435026.00037.
6. *Розов Н.* «Спор о методе», школа «Анналов» и перспективы социально-исторического познания // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 145–155.
7. *Кимлика У.* Современная политическая философия. Введение. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 592 с.
8. *Saha L. J., Print M.* Student school elections and political engagement: A cradle of democracy? // *International Journal of Educational Research*. 2010. Vol. 49, no 1. P. 22–32. DOI: 10.1016/j.ijer.2010.05.004.
9. *Witschonke C.* Michael Moore, Baby Einstein, and Student Council Elections // *Journeys in Social Education*. Rotterdam: Sense Publishers, 2011. P. 195–209. DOI: 10.1007/978-94-6091-358-7_14.
10. *Homana G. A.* Youth political engagement in Australia and the United States: student councils and volunteer organizations as communities of practice // *JSSE-Journal of Social Science Education*. 2018. Vol. 17, no 1. P. 41–54.
11. *Fendrich J. M., Lovoy K. L.* Back to the future: Adult political behavior of former student activists // *American Sociological Review*. 1988. Vol. 53, no 5. P. 780–784. DOI: 10.2307/2095823.
12. *Puaca B. M.* We Learned What Democracy Really Meant: The Berlin Student Parliament and Postwar School Reform in the 1950s // *History of Education Quarterly*. 2005. Vol. 45, no 4. P. 615–624. DOI: 10.1111/j.1748-5959.2005.tb00058.x.
13. *Murati R.* Student parliament in function of training for democratic action // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2014. Vol. 2, no 1. P. 97–99.
14. *Proteasa V., Andreescu L.* Students, their Protests, and their Organizations. Exploring Old Gaps and New Evidence // *Partecipazione e Conflitto*. 2019. Vol. 12, no 1. P. 1–21.
15. *Coase R.* The new institutional economics // *The American Economic Review*. 1998. Vol. 88, no 2. P. 72–74.
16. *Das J.* Higher Education Governance: Students' Participation, Union Elections & the Role of Lyngdoh Commission // *International Journal of Humanities & Social Science Studies*. 2014. Vol. 1, no 1. P. 65–70.
17. *Dechamma S.* University of Hyderabad Student Union Elections 2012: An Analysis in the Light of Lyngdoh Committee Recommendations // *Social Change*. 2014. Vol. 44, no 2. P. 263–274. DOI: 10.1177/0049085714525508.
18. *Mugume T., Luescher T. M.* Student representation and the relationship between student leaders and political Parties: The case of Makerere University // *South African Journal of Higher Education*. 2017. Vol. 31, no 3. P. 154–171. DOI: 10.20853/31-3-639.
19. *Alam A., Ali M. I.* Students' Union in Institutions of Higher Education of India: A Critical Study of Needs, Significance and Roles // *Research Guru: Online Journal of Multidisciplinary Subjects*. 2018. Vol. 12, no 1. P. 104–113.
20. *Harik J., Meho L.* The war generation and student elections at the American University of Beirut // *Arab studies quarterly*. 1996. Vol. 18, no 2. P. 67–90.
21. *Parreira C., Tavana D. L., Harb C.* University Elections and Political Socialization in the Developing World. SocArXiv, 2019. 99 p. DOI: 10.31235/osf.io/jtvp2.
22. *Chirikov I., Gruzdev I.* Back in the USSR: path dependence effects in student representation in Russia // *Studies in Higher Education*. 2014. Vol. 39, no 3. P. 455–469. DOI: 10.1080/03075079.2014.896181.
23. *Tangian A.* The third vote experiment: Enhancing policy representation of a student parliament // *Group Decision and Negotiation*. 2017. Vol. 26, no 6. P. 1091–1124. DOI: 10.1007/s10726-017-9540-z.
24. *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives* / S. M. Lipset, S. Rokkan (eds.) // *Free press*. 1967. Vol. 7. P. 251–255. DOI: 10.1007/978-3-531-90400-9_68.

25. The American Voter / A. Campbell, P.E. Converse, W.E. Miller, D.E. Stokes Chicago : University of Chicago Press, 1980. 573 p.
26. Downs A. An economic theory of democracy. New York : Harper and Brothers, 1957. 332 p.
27. Omar M.F., Othman M.H. Voting Behaviour and Political Culture among Students // International Journal of Education and Social Science. 2014. Vol. 1, no 4. P. 31–40.
28. Perry L. G. Student Participation in University Governance at a University with Predominantly Online Programs: A Thesis Submitted ... for the Degree of Master of Arts. Victoria : University of Victoria, 2014. 57 p.
29. Omar M.F., Othman M.H. Factors influencing students voting behaviour: pre and post IIUM students' representatives council's election 2014 // Journal of International Science, Commerce and Humanities. 2015. Vol. 3, no 1. P. 121–138.
30. Lewis K.M., Rice T.W. Voter turnout in undergraduate student government elections // PS: Political Science & Politics. 2005. Vol. 38, no 4. P. 723–729. DOI: 10.1017/s1049096505050201.
31. Miles J.M., Miller M.T., Nadler D.P. Are you voting today? Student participation in selfgovernment elections // Eastern Education Journal. 2012. Vol. 41, no 1. P. 3–15.
32. Kouba K. Determinants of student participation in higher education governance: The case of student turnout in academic senate elections in Czechia // Higher Education. 2018. Vol. 76, no 1. P. 67–84. DOI: 10.1007/s10734-017-0194-1.
33. Right to Vote: Students' Involvement in Student Government Elections / J. Santos, C. Ac-ac, L.M. Dela Cruz [et al.]. Social Science Research Network, 2019. 16 p. DOI: 10.2139/ssrn.3442910/.
34. Tilton S. Virtual polling data: A social network analysis on a student government election // Webology. 2008. Vol. 5, no 4. P. 1–8.
35. Mishra R. Digital democracy and student politics: Interpretation from Assam university student's council elections // The Researcher-International Journal of Management Humanities and Social Sciences. 2016. Vol. 1, no 1. P. 46–57.
36. Facebook Communication and Marketing Influence on Decision-Making and Choice of University Student Representatives: A Student's Perspective / T. Chininga, E. Rungani, N. Chilya, T. Chuchu // Romanian Journal of Communication and Public Relations. 2019. Vol. 21, no 2. P. 7–21. DOI: 10.21018/rjcp.2019.2.274.
37. Nordensvard J. The consumer metaphor versus the citizen metaphor: different sets of roles for students // The marketization of higher education and the student as consumer. London : Routledge, 2010. P. 157–169.
38. Luescher-Mamashela T.M. Student representation in university decision making: good reasons, a new lens? // Studies in Higher Education. 2013. Vol. 38, no 10. P. 1442–1456. DOI: 10.1080/03075079.2011.625496.
39. Brooks R., Byford K., Sela K. Students' unions, consumerism and the neo-liberal university // British Journal of Sociology of Education. 2016. Vol. 37, no 8. P. 1211–1228. DOI: 10.1080/01425692.2015.1042150.
40. Raaper R. Students' unions and consumerist policy discourses in English higher education // Critical Studies in Education. 2020. Vol. 61, no 2. P. 245–261. DOI: 10.1080/17508487.2017.1417877.
41. Brooks R. Understanding the higher education student in Europe: A comparative analysis // Compare: a journal of comparative and international education. 2018. Vol. 48, no 4. P. 500–517. DOI: 10.1080/03057925.2017.1318047.
42. Bishop D. C. More than just listening: The role of student voice in higher education, an academic perspective // IMPact: The University of Lincoln Journal of Higher Education Research. 2018. Vol. 1, no 1. P. 15.
43. Klemenčič M. Student involvement in university quality enhancement // The Palgrave international handbook of higher education policy and governance. London : Palgrave Macmillan, 2015. P. 526–543. DOI: 10.1007/978-1-137-45617-5_28.
44. Klemenčič M. Student power in a global perspective and contemporary trends in student organising // Studies in Higher Education. 2014. Vol. 39, no 3. P. 396–411. DOI: 10.1080/03075079.2014.896177.
45. Klemenčič M. Student representation in Western Europe: Introduction to the special Issue // European Journal of Higher Education. 2012. Vol. 2, no 1. P. 2–19. DOI: 10.1080/21568235.2012.695058.
46. Lum C.J. Scolasticus (A) Politicus: Typologizing Student Representation and Organization in Southeast Asia: Master's Thesis. Berlin, Germany : Humboldt University of Berlin, 2017. 120 p.
47. Nihonho M.A. Unleashing student potential through democratic participation in decision making: controversies and prospects // Africa Education Review. 2017. Vol. 14, no 3/4. P. 158–174. DOI: 10.1080/18146627.2017.1279013.
48. Brooks R., Byford K., Sela K. The changing role of students' unions within contemporary higher education // Journal of Education Policy. 2015. Vol. 30, no 2. P. 165–181. DOI: 10.1080/02680939.2014.924562.
49. Raaper R. Constructing political subjectivity: the perspectives of sabbatical officers from English students' unions // Higher Education. 2020. Vol. 79, no 1. P. 141–157. DOI: 10.1007/s10734-019-00400-9.
50. Rochford F. Bringing them into the tent-student association and the neutered academy // Studies in Higher Education. 2014. Vol. 39, no 3. P. 485–499. DOI: 10.1080/03075079.2014.896184.
51. Brooks R., Byford K., Sela K. Inequalities in students' union leadership: the role of social networks // Journal of Youth Studies. 2015. Vol. 18, no 9. P. 1204–1218. DOI: 10.1080/13676261.2015.1039971.
52. Smith E.A., Miller M.T., Nadler D.P. Does it matter? What college student governments talk about // Journal of Higher Education Theory and Practice. 2016. Vol. 16, no 2. P. 46–53.
53. Gwirayi P. Gender and Leadership: Factors influencing election into student representative council and implications for sustainable development // Journal of Sustainable Development in Africa. 2010. Vol. 12, no 2. P. 284–300.
54. Capulong N.M. Choosing the qualities of student leaders: A matching of student voting preference and election results as a basis for policy formulation // Asia Pacific Journal of Multidisciplinary Research. 2014. Vol. 2, no 4. P. 159–168.
55. Oni A.A., Adetoro J.A. The effectiveness of student involvement in decision-making and university leadership:

A comparative analysis of 12 universities in South-west Nigeria // *Journal of Student Affairs in Africa*. 2015. Vol. 3, no 1. P. 65–81. DOI: 10.14426/jsaa.v3i1.93.

56. Sebola M. P. Governance and student leadership in South African universities: co-governing with those to be governed // *Journal of Gender, Information and Development in Africa (JGIDA)*. 2019. Vol. 8, no 2. P. 7–18. DOI: 10.31920/2050–4284/2019/8n2a1.

57. Foroni M. Student representation in Italy // *Tertiary Education and Management*. 2011. Vol. 17, no 3. P. 205–218. DOI: 10.1080/13583883.2011.588718.

58. Student participation in university governance: the opinions of professors and students / A. Planas, P. Soler, J. Fullana [et al.] // *Studies in Higher Education*. 2013. Vol. 38, no 4. P. 571–583. DOI: 10.1080/03075079.2011.586996.

59. Antonowicz D., Pinheiro R., Smużewska M. The changing role of students' representation in Poland: an historical appraisal // *Studies in Higher Education*. 2014. Vol. 39, no 3. P. 470–484. DOI: 10.1080/03075079.2014.896182.

60. Llorent Vaquero M. Student Participation in the Governing Bodies of Spanish Universities // *Asian Social Science*. 2016. Vol. 12, no 8. P. 11–17. DOI: 10.5539/ass.v12n8p11.

61. Bryk J., Gębarowski M. Determinants of student governments' promotional activity // *Marketing Instytucji Naukowych i Badawczych*. 2018. Vol. 30, no 4. P. 1–18.

62. Borg C. The Role of Students in the Governance of Public Higher Education: a Case Study of Malta // *Journal of Intercultural Management*. 2019. Vol. 11, no 3. P. 1–20. DOI: 10.2478/joim-2019–0015.

63. Student participation in governance of medical and veterinary education: experiences and perspectives of student representatives and program directors / S. N. E. Meeuwissen, A. Spruijt, J. W. Veen van, A. F. P. M. Goeij de // *Advances in Health Sciences Education*. 2019. Vol. 24, no 4. P. 665–690. DOI: 10.1007/s10459-019-09890-9.

64. Попов В. П. Студенческое самоуправление: опыт сравнительного историко-социологического анализа // *Вопросы образования*. 2009. № 2. С. 211–223.

65. Боков Д. А. История развития студенческого самоуправления в отечественной высшей школе // *Российский научный журнал*. 2008. № 5. С. 152–158.

66. Пономарев А. В. Воспитательный потенциал студенческого самоуправления // *Знание. Понимание. Умение*. 2008. № 1. С. 106–110.

67. Шафеева Н. Д. Студенческое самоуправление в воспитательном пространстве вуза // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2011. № 4. С. 482–485.

68. Поздышева О. Н. Роль студенческого самоуправления в системе воспитательной работы в образовательной организации высшего образования // *Традиции и инновации в строительстве и архитектуре* / под редакцией М. И. Бальзаникова, К. С. Галицкова, А. А. Шестакова ; Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Самара, 2016. С. 100–105.

69. Саенко Л. А., Карташова В. Н. Студенческое самоуправление в развитии гражданской активности учащихся // *Дискуссия*. 2014. Т. 47, № 6. С. 96–102.

References

1. Altbach P. G. Student Politics: Activism and Culture. *International Handbook of Higher Education*. Springer, Dordrecht, 2007, pp. 329–345. DOI: 10.1007/978-1-4020-4012-2_17. (In Eng.).

2. Boland J. A. Student participation in shared governance: a means of advancing democratic values? *Tertiary Education and Management*, 2005, vol. 11, no 3, pp. 199–217. DOI: 10.1007/s11233-005-5099-3. (In Eng.).

3. Klemenčič M. Student Politics. *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. Springer, Dordrecht, 2020. DOI: 10.1007/978-94-017-9553-1_618-2. (In Eng.).

4. Klemenčič M. Student Governments. *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. Springer, Dordrecht, 2020. P. 1–6. DOI: 10.1007/978-94-017-9553-1_614-1. (In Eng.).

5. Klemenčič M., Park B. Y. Student Politics: Between Representation and Activism. *Handbook on the Politics of Higher Education*. Edward Elgar Publishing, 2018, pp. 468–486. DOI: 10.4337/9781786435026.00037. (In Eng.).

6. Rozov N. «Spor o metode», shkola «Annalov» i perspektivy sotsial'no-istoricheskogo poznaniya [«The dispute about the method», the school of the «Annals» and the prospects for socio-historical knowledge]. *Social Sciences and Contemporary World*, 2008, no 1, pp. 145–155. (In Russ.).

7. Kymlicka W. Sovremennaya politicheskaya filosofiya. Vvedenie [Contemporary political philosophy: introduction]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2010. 592 p. (In Russ.).

8. Saha L. J., Print M. Student School Elections and Political Engagement: A Cradle of Democracy? *International Journal of Educational Research*, 2010, vol. 49, no 1, pp. 22–32. DOI: 10.1016/j.ijer.2010.05.004. (In Eng.).

9. Witschonke C. Michael Moore, Baby Einstein, and Student Council Elections. *Journeys in Social Education*. Rotterdam, SensePublishers, 2011, pp. 195–209. DOI: 10.1017/978-94-6091-358-7_14. (In Eng.).

10. Homana G. A. Youth Political Engagement in Australia and the United States: Student Councils and Volunteer Organizations as Communities of Practice. *JSSE-Journal of Social Science Education*, 2018, pp. 41–54. (In Eng.).

11. Fendrich J. M., Lovoy K. L. Back to the Future: Adult Political Behavior of Former Student Activists. *American Sociological Review*, 1988, vol. 53, no 5, pp. 780–784. DOI: 10.2307/2095823. (In Eng.).

12. Puaca B. M. We Learned What Democracy Really Meant: The Berlin Student Parliament and Postwar School Reform in the 1950s. *History of Education Quarterly*, 2005, vol. 45, no 4, pp. 615–624. DOI: 10.1111/j.1748–5959.2005.tb00058.x. (In Eng.).

13. Murati R. Student Parliament in Function of Training for Democratic Action. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 2014, vol. 2, no 1, pp. 97–99. (In Eng.).

14. Proteasa V., Andreescu L. Students, their Protests, and their Organizations. Exploring Old Gaps and New Evidence. *Partecipazione e Conflitto*, 2019, vol. 12, no 1, pp. 1–21. (In Eng.).

15. Coase R. The New Institutional Economics. *The American Economic Review*, 1998, vol. 88, no 2, pp. 72–74. (In Eng.).
16. Das J. Higher Education Governance: Students' Participation, Union Elections & the Role of Lyngdoh Commission. *International Journal of Humanities & Social Science Studies*, 2014, vol. 1, no 1, pp. 65–70. (In Eng.).
17. Dechamma S. University of Hyderabad Student Union Elections 2012: An Analysis in the Light of Lyngdoh Committee Recommendations. *Social Change*, 2014, vol. 44, no 2, pp. 263–274. DOI: 10.1177/0049085714525508. (In Eng.).
18. Mugume T., Luescher T.M. Student Representation and the Relationship between Student Leaders and Political Parties: The Case of Makerere University. *South African Journal of Higher Education*, 2017, vol. 31, no 3, pp. 154–171. DOI: 10.20853/31-3-639. (In Eng.).
19. Alam A., Ali M.I. Students' Union in Institutions of Higher Education of India: A Critical Study of Needs, Significance and Roles. *Research Guru: Online Journal of Multidisciplinary Subjects*, 2018, vol. 12, no 1, pp. 104–113. (In Eng.).
20. Harik J., Meho L. The War Generation and Student Elections at the American University of Beirut. *Arab Studies Quarterly*, 1996, vol. 18, no 2, pp. 67–90. (In Eng.).
21. Parreira C., Tavana D.L., Harb C. University Elections and Political Socialization in the Developing World. SocArXiv, 2019. 99 p. DOI: 10.31235/osf.io/jtvp2. (In Eng.).
22. Chirikov I., Gruzdev I. Back in the USSR: Path Dependence Effects in Student Representation in Russia. *Studies in Higher Education*, 2014, vol. 39, no 3, pp. 455–469. DOI: 10.1080/03075079.2014.896181. (In Eng.).
23. Tangian A. The Third Vote Experiment: Enhancing Policy Representation of a Student Parliament. *Group Decision and Negotiation*, 2017, vol. 26, no 6, pp. 1091–1124. DOI: 10.1007/s10726-017-9540-z. (In Eng.).
24. Lipset S.M., Rokkan S. (eds.). *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. Free Press, 1967, vol. 7, pp. 251–255. DOI: 10.1007/978-3-531-90400-9_68. (In Eng.).
25. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 573 p. (In Eng.).
26. Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York, Harper and Brothers, 1957. 332 p. (In Eng.).
27. Omar M.F., Othman M.H. Voting Behaviour and Political Culture among Students. *International Journal of Education and Social Science*, 2014, vol. 1, no 4, pp. 31–40. (In Eng.).
28. Perry L.G. *Student Participation in University Governance at a University with Predominantly Online Programs: A Thesis Submitted ... for the Degree of Master of Arts*. Victoria, University of Victoria, 2014. 57 p. (In Eng.).
29. Omar M.F., Othman M.H. Factors Influencing Students Voting Behaviour: Pre- and Post IIUM Students' Representatives Council's Election 2014. *Journal of International Science, Commerce and Humanities*, 2015, vol. 3, no 1, pp. 121–138. (In Eng.).
30. Lewis K.M., Rice T.W. Voter Turnout in Undergraduate Student Government Elections. *PS: Political Science & Politics*, 2005, vol. 38, no 4, pp. 723–729. DOI: 10.1017/s1049096505050201. (In Eng.).
31. Miles J.M., Miller M.T., Nadler D.P. Are you Voting Today? Student Participation in Self-Government Elections. *Eastern Education Journal*, 2012, vol. 41, no 1, pp. 3–15. (In Eng.).
32. Kouba K. Determinants of Student Participation in Higher Education Governance: The Case of Student Turnout in Academic Senate Elections in Czechia. *Higher Education*, 2018, vol. 76, no 1, pp. 67–84. DOI: 10.1007/s10734-017-0194-1. (In Eng.).
33. Santos J., Ac-ac C., Dela Cruz L.M. et al. *Right to Vote: Students' Involvement in Student Government Elections*. Social Science Research Network, 2019. 16 p. DOI: 10.2139/ssrn.3442910. (In Eng.).
34. Tilton S. Virtual Polling Data: A Social Nnetwork analysis on a student government election. *Webology*, 2008, vol. 5, no 4, pp. 1–8. (In Eng.).
35. Mishra R. Digital democracy and student politics: Interpretation from Assam university student's council elections. *The Researcher-International Journal of Management Humanities and Social Sciences*, 2016, vol. 1, no 1, pp. 46–57. (In Eng.).
36. Chininga T., Rungani E., Chiliya N., Chuchu T. Facebook Communication and Marketing Influence on Decision-Making and Choice of University Student Representatives: A Student's Perspective. *Romanian Journal of Communication and Public Relations*, 2019, vol. 21, no 2, pp. 7–21. DOI: 10.21018/rjcpr.2019.2.274. (In Eng.).
37. Nordensvard J. The Consumer Metaphor versus the Citizen Metaphor: Different Sets of Roles for Students. *The Marketization of Higher Education and the Student as Consumer*, London, Routledge, 2010, pp. 157–169. (In Eng.).
38. Luescher-Mamashela T.M. Student Representation in University Decision Making: Good Reasons, a New Lens? *Studies in Higher Education*, 2013, vol. 38, no 10, pp. 1442–1456. DOI: 10.1080/03075079.2011.625496. (In Eng.).
39. Brooks R., Byford K., Sela K. Students' Unions, Consumerism and the Neo-Liberal University. *British Journal of Sociology of Education*, 2016, vol. 37, no 8, pp. 1211–1228. DOI: 10.1080/01425692.2015.1042150. (In Eng.).
40. Raaper R. Students' Unions and Consumerist Policy Discourses in English Higher Education. *Critical Studies in Education*, 2020, vol. 61, no 2, pp. 245–261. DOI: 10.1080/17508487.2017.1417877. (In Eng.).
41. Brooks R. Understanding the Higher Education Student in Europe: A Comparative Analysis. *Compare: a Journal of Comparative and International Education*, 2018, vol. 48, no 4, pp. 500–517. DOI: 10.1080/03057925.2017.1318047. (In Eng.).
42. Bishop D.C. More than just Listening: The Role of Student Voice in Higher Education, an Academic Perspective. *IMPact: The University of Lincoln Journal of Higher Education Research*, 2018, vol. 1, no 1, p. 15 (In Eng.).
43. Klemenčič M. Student Involvement in University Quality Enhancement. *The Palgrave International Handbook of Higher Education Policy and Governance*, Palgrave Macmillan, London, 2015, pp. 526–543. DOI: 10.1007/978-1-137-45617-5_28. (In Eng.).
44. Klemenčič M. Student Power in a Global Perspective and Contemporary Trends in Student Organizing. *Studies in*

- Higher Education, 2014, vol. 39, no 3, pp. 396–411. DOI: 10.1080/03075079.2014.896177. (In Eng.).
45. Klemenčič M. Student Representation in Western Europe: Introduction to the Special Issue. *European Journal of Higher Education*, 2012, vol. 2, no 1, pp. 2–19. DOI: 10.1080/21568235.2012.695058. (In Eng.).
  46. Lum C. J. Scolasticus (A) Politicus: Typologizing Student Representation and Organization in Southeast Asia: Master's Thesis. Berlin, Germany, Humboldt University of Berlin, 2017. 120 p. (In Eng.).
  47. Nthontho M. A. Unleashing Student Potential through Democratic Participation in Decision Making: Controversies and Prospects. *Africa Education Review*, 2017, vol. 14, no 3/4, pp. 158–174. DOI: 10.1080/18146627.2017.1279013. (In Eng.).
  48. Brooks R., Byford K., Sela K. The Changing Role of Students' Unions within Contemporary Higher Education. *Journal of Education Policy*, 2015, vol. 30, no 2, pp. 165–181. DOI: 10.1080/02680939.2014.924562. (In Eng.).
  49. Raaper R. Constructing Political Subjectivity: The Perspectives of Sabbatical Officers from English Students' Unions. *Higher Education*, 2020, vol. 79, no 1, pp. 141–157. DOI: 10.1007/s10734-019-00400-9. (In Eng.).
  50. Rochford F. Bringing them into the tent-student association and the neutered academy. *Studies in Higher Education*, 2014, vol. 39, no 3, pp. 485–499. DOI: 10.1080/03075079.2014.896184. (In Eng.).
  51. Brooks R., Byford K., Sela K. Inequalities in Students' Union Leadership: The Role of Social Networks. *Journal of Youth Studies*, 2015, vol. 18, no 9, pp. 1204–1218. DOI: 10.1080/13676261.2015.1039971. (In Eng.).
  52. Smith E. A., Miller M. T., Nadler D. P. Does it Matter? What College Student Governments Talk About. *Journal of Higher Education Theory and Practice*, 2016, vol. 16, no 2, pp. 46–53. (In Eng.).
  53. Gwirayi P. Gender and Leadership: Factors Influencing Election into Student Representative Council and Implications for Sustainable Development. *Journal of Sustainable Development in Africa*, 2010, vol. 12, no 2, pp. 284–300. (In Eng.).
  54. Capulong N. M. Choosing the Qualities of Student Leaders: A Matching of Student Voting Preference and Election Results as a Basis for Policy Formulation. *Asia Pacific Journal of Multidisciplinary Research*, 2014, vol. 2, no 4, pp. 159–168. (In Eng.).
  55. Oni A. A., Adetoro J. A. The Effectiveness of Student Involvement in Decision-Making and University Leadership: A Comparative Analysis of 12 Universities in South-West Nigeria. *Journal of Student Affairs in Africa*, 2015, vol. 3, no 1, pp. 65–81. DOI: 10.14426/jsaa.v3i1.93. (In Eng.).
  56. Sebola M. P. Governance and Student Leadership in South African Universities: Co-Governing with those to be Governed. *Journal of Gender, Information and Development in Africa (JGIDA)*, 2019, vol. 8, no 2, pp. 7–18. DOI: 10.31920/2050-4284/2019/8n2a1. (In Eng.).
  57. Foroni M. Student Representation in Italy. *Tertiary Education and Management*, 2011, vol. 17, no 3, pp. 205–218. DOI: 10.1080/13583883.2011.588718. (In Eng.).
  58. Planas A., Soler P., Fullana J. et al. Student Participation in University Governance: the Opinions of Professors and Students. *Studies in Higher Education*, 2013, vol. 38, no 4, pp. 571–583. DOI: 10.1080/03075079.2011.586996. (In Eng.).
  59. Antonowicz D., Pinheiro R., Smużewska M. The Changing Role of Students' Representation in Poland: an Historical Appraisal. *Studies in Higher Education*, 2014, vol. 39, no 3, pp. 470–484. DOI: 10.1080/03075079.2014.896182. (In Eng.).
  60. Llorent Vaquero M. Student Participation in the Governing Bodies of Spanish Universities. *Asian Social Science*, 2016, vol. 12, no 8, pp. 11–17. DOI: 10.5539/ass.v12n8p11. (In Eng.).
  61. Bryk J., Gębarowski M. Determinants of Student Governments' Promotional Activity. *Marketing Instytucji Naukowych i Badawczych*, 2018, vol. 30, no 4, pp. 1–18. (In Eng.).
  62. Borg C. The Role of Students in the Governance of Public Higher Education: A Case Study of Malta. *Journal of Intercultural Management*, 2019, vol. 11, no 3, pp. 1–20. DOI: 10.2478/joim-2019-0015. (In Eng.).
  63. Meeuwissen S. N. E., Spruijt A., van Veen J. W., de Goeij A. F. P. M. Student Participation in Governance of Medical and Veterinary Education: Experiences and Perspectives of Student Representatives and Program Directors. *Advances in Health Sciences Education*, 2019, vol. 24, no 4, pp. 665–690. DOI: 10.1007/s10459-019-09890-9. (In Eng.).
  64. Popov V. R. Studencheskoe samoupravlenie: opyt sravnitel'nogo istoriko-sotsiologicheskogo analiza [Student self-governance: comparative socio-historical analysis]. *Voprosy obrazovaniya*, 2009, no 2, pp. 211–223. (In Russ.).
  65. Bokov D. A. Istoriya razvitiya studencheskogo samoupravleniya v otechestvennoi vysshei shkole [The history of the development of student self-government in domestic higher education]. *Rossiyskiy nauchny zhurnal*, 2008, no 5, pp. 152–158. (In Russ.).
  66. Ponomarev A. V. Vospitatel'nyi potentsial studencheskogo samoupravleniya [Training potential of student self-government]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2008, no 1, pp. 106–110. (In Russ.).
  67. Shafeeva N. D. Studencheskoe samoupravlenie v vospitatel'nom prostranstve vuza [Student self-government in the training space of the university]. *Journal of Togliatti State University*, 2011, no 4, pp. 482–485. (In Russ.).
  68. Pozdysheva O. N. Rol' studencheskogo samoupravleniya v sisteme vospitatel'noi raboty v obrazovatel'noi organizatsii vysshego obrazovaniya [The role of student self-government in the system of educational work in higher education organization]. In: Bal'zannikov M. I., Galitskov K. S., Shestakov A. A. (eds.). *Traditions and Innovations in Construction and Architecture. Social, Humanitarian and Economic Sciences*, Samara, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, 2016, pp. 100–105. (In Russ.).
  69. Saenko L. A., Kartashova V. N. Studencheskoe samoupravlenie v razvitii grazhdanskoi aktivnosti uchashchikhsya [Students' self-government in the development of civil activity]. *Discussion*, 2014, vol. 47, no 6, pp. 96–102. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию 12.07.2020
Submitted on 12.07.2020

Принята к публикации 01.09.2020
Accepted on 01.09.2020

Информация об авторе / Information about the author

Ефимов Дмитрий Борисович – магистр политологии, аспирант Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; defimov@hse.ru. ORCID 0000-0002-8942-500X.

Dmitry B. Efimov – Master's Degree in Political Science), PhD student, Institute of Education, National Research University «Higher School of Economics»; defimov@hse.ru. ORCID 0000-0002-8942-500X.

